

КОГДА снова и снова заходит речь о современном состоянии песенного жанра, о его проблемах, испытываешь немного странное чувство: вроде бы хвататься за голову и кричать «караул!» нет оснований, а «проблемы» есть, думать о чем есть, тревожиться есть за что.

Все чаще мы слышим: мало песен. А ведь композиторы знают, как много их пишется. И все-таки слышим мало. Хороших мало, умных, нужных человеку песен мало.

Можно, конечно, сказать, что всегда будет мало, что хорошая песня потому и хорошая, что она редкость. Все это будет правда, только не вся правда.

Меньше всего нам пристало себя успокаивать. Шарахаться, выдумывать ошибки не надо. Но видеть реальные просчеты и потери, суметь правильно понять, оценить их необходимо.

Нельзя, например, не согласиться с тем, что музыкальное и поэтическое содержание иных песен нашему современнику кажется скучным, неоригинальным, однообразным. Человеку тесно в такой песне. Она ничего ему не открывает.

Серость, художественная безликость, творческая инертность, вообще нетерпимые в искусстве, в песне обнаруживают себя едва ли не быстрее, чем в других музыкальных жанрах. Если подумать еще о том, как много людей любят песню, тянутся к ней, станет особенно обидно и больно за тех, кому серая, антихудожественная песенная продукция ломает несформировавшийся еще вкус так, что человек перестает отличать хорошее от плохого.

Значит, все-таки нужно снова и снова, пусть в тысячу первый раз,

РАЗДУМЬЯ О ПЕСНЕ

у других — благодарная по идее, мужественная песня.

всерьез говорить о требовательности композиторов и поэтов к своему творчеству, о чувстве ответственности перед народом, перед искусством. По песням будут когда-то судить о нашем времени, о наших днях. Расскажут ли они об этих днях? Хорошо ли расскажут?..

Дни, в которые мы живем, — такие огромные, такие разные, такие песенные. Они, конечно, останутся в истории. Но они непременно должны войти и в песенную историю.

Я не призываю композиторов и поэтов сочинять специально «эпохальные» описи и писать в расчете на вечность. Совсем нет. Мне как раз хочется сказать о песнях, написанных на тему дня, — в лучшем, широком смысле этого слова! Из них тоже будет складываться история.

Многие композиторы говорят, что у «злюбодневных» песен мотыльковая жизнь, что они не застревают надолго в народной памяти, не оставляют следа. Это, конечно, не так: лучшие песни дня останутся жить в народе как веки времени и образцы искусства.

У нас есть свои великолепные образцы остро, точно, боевого искусства дня. Вспомним окна РОСТА, или массу песен, появившихся во время Великой Отечественной войны и достойно выполнивших свой долг. Но сегодня, к сожалению, такая традиция в значительной мере утеряна, хотя не исчезли те стороны жизни, которые требуют немедленного отклика, быстрой и талантливой реакции.

Создается много песен-пустяков. Делая такие песни, композиторы почему-то боятся отступить от сложившихся штампов: им жаль ист-

ратить побольше творческой фантазии, сделать песню дня самобытной.

И тогда выпускаются очень «правильные» песни, похожие на все то, что уже получило признание в советской музыке, но песни серые, скучные, убивающие не только самих себя в день своего рождения, но заодно дискредитирующие и те произведения, с которых они в какой-то мере скопированы. В таких ремесленных сочинениях нет больших чувств — народ не берет их на вооружение. Он ждет других песен, которые передали бы всю многообразную красоту, наполненность нашей жизни и при этом отличались бы большим вкусом, подобно образцам народного творчества.

Очень важно, чтобы тексты песен не были пустыми, глупыми. Песня всегда должна быть содержательной, острой, должна захватывать слушателей не только мелодической или ритмической стороной, но и актуальным содержанием.

Меня очень волнует, что в последнее время композиторы и поэты-песенники, причем зачастую весьма талантливые, углубились в интимную лирику. Появились песни, в которых герои под «гитары-стоны» разговаривают о разбитых судьбах, неясных дорогах, непонятных страданиях. Темы чистых отношений между людьми иной автор как бы стесняется, вуалируя ее грустными сентенциями о тишине, глазах и ресницах и т. д. Вообще я не против грусти в песнях — диапазон человеческих чувств широк и многогранен. Я

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
лауреат Ленинской премии

□ □

против пошлой грусти. В самом деле, разве можно спокойно взирать, как в наши героические дни нет-нет да и появятся перепевы дореволюционных «жесточких» романсов типа «Чайки» и «У камин», всевозможные трансформации примитивных песенок наповского характера?! Мне кажется, что появлению «квевых» интонаций во многих наших песнях, например в песнях о мире, никак не вяжется с образом могучего народа, который не просит мира, а отстаивает его. В этом, по моему, отход от революционных традиций нашей песенности.

Советская песня ярко и поэтично отражает жизнь народа. Мы сейчас знаем и поем песни, созданные десятки лет назад. И это закономерно. Как нынешняя молодежь продолжает дела своих отцов, так и современное песенное творчество бережно хранит многие свои революционные традиции. Есть песни, по которым мы узнаем целые эпохи в жизни и борьбе народа.

Взять, например, «Гибель «Варяга». Какой в ней колоссальный заряд трагедичности, но она написана в мажорных тонах, с верой в победу. И можем ли мы назвать ее просто исторической? Нет, она сейчас живет полной жизнью, зовет людей к подвигу, воспитывает.

Героические песни нужны нам сейчас не меньше, чем, скажем, в дни войны. Героического в нашей жизни много, и песен героических пишется немало. Но все ли они действительно героические, в самом высоком и волевом смысле этого слова.

Когда слушаешь «Бухенвальдский набат» В. Мурадели, то чувствуешь — поют сильные, мужественные люди. Героям этой песни хочется подражать, учиться у них твердости духа, неотступности в борьбе. Но есть и другие песни на героические темы. В них выражено стремление к лучшему, но не чувствуется характер ораторов-бойцов.

Все эти задачи не могут быть решены разговорами, они могут быть решены только творчеством. И очень хочется, чтобы чаще обращались к песне наши крупнейшие, талантливейшие композиторы, чтобы вместе с ними прокладывала новые пути в песенном творчестве молодежь, чтобы больше энтузиазма советской песни было среди исполнителей.

У нас есть два типа исполнителей. Одни точно читают ноты. Слушать их скучно. Гораздо реже встречается другой тип артистов, имеющих собственное отношение к материалу. Думается, в идеале сто артистов должны по-разному, в ста манерах исполнить одну песню.

В довоенные годы я часто слышал в концертах академических певцов не только оперные арии, но и советские песни: артисты находили исполнительский ключ, позволявший им в одной программе петь Чайковского и Дунаевского. Сегодня так почти не бывает.

Можно сослаться на исполнительский диапазон Георга Отса, умеющего облагородить самую спорную песню.

Я вспоминаю, как мне приходилось слышать песню Блантера «Летят перелетные птицы» в исполнении разных певцов. У одних получался надрынный «шлягерок», а

И еще об одном хочется мне сказать. Очень обидно, что наши теоретики и критики не занимаются по-настоящему проблемами песни. Неплохо было бы время от времени предпринимать обзоры песенного творчества за целый период, но систематически, — сравнивая творческий облик, искания, достижения и срывы большого отряда композиторов. И, наоборот, не только в области симфонической музыки, но и в области песенного творчества следует предпринимать подробный критический разбор и отдельных песен и песенного творчества одного автора за небольшой период времени.

Сейчас советские композиторы, и в частности молодые, явно ищут новые формы в своем песенном творчестве. Плодотворно работают, например, ленинградские композиторы Андрей Петров и Георгий Портнов, москвичи Андрей Эшпай, Эдуард Колмановский и многие другие. Я приветствую их поиски, но хочу пожелать, чтобы они ни на минуту не забывали: чем глубже мысль, которая заложена в песне, тем больше этой песне жить.

Всегда и везде мы должны помнить, сердцем созавать, что советская песня — не только один из почетных и любимых жанров нашего музыкального искусства. Советская песня — это еще и форма общественной жизни, и форма общественной борьбы.

3

стр.

№ 136 [14299]

1963, 8 июня